

Драконий Камень — Сад Эйгона...

Эонар пересек арку Хвоста Дракона, пока не достиг Сада Эйгона. В самом саду пахло приятным сосновым ароматом, росли высокие темные деревья, дикие розы, высокие колючие изгороди и клюква. Он получил от своих сотрудников сообщения о том, что Рейнира и Алисента находятся где-то в садах, и Эонар знал, что ему нужно заглядить свою вину перед Алисентой за то, что она оставила ее таким, каким он сделал. Принц почувствовал комок в горле – ничто из того, что он мог сказать или сделать, никогда не оправдало его действий, но он не мог вынести мысли о потере любви всей своей жизни.

Он должен был все исправить... если она хотя бы согласилась его отстранить, прежде чем принять официальное решение. Но когда он добрался до сада, он увидел беседующую Рейниру и Алисенту. Эонар наверняка оставил своим агентам неясные, но расшифрованные коды, чтобы гарантировать, что его сообщения не будут перехвачены. Его сестра его не волновала, но Алисента... Эонар знал, что она будет очень расстроена из-за его исчезновения на шесть месяцев. Он надеялся, что некоторые сообщения, которые он отправил Рейнире, будут отправлены обратно, позволяя ему быть в курсе ее действий и зная, что Эонар всегда наблюдает за ней на расстоянии.

Но, тем не менее, он приготовился принять ответную реакцию.

Вот она. Все еще такая красивая последние шесть месяцев. Но... я не ожидал, что будет проще. Это сложнее, чем я думал. «Алисента», — позвал Эонар.

И Рейнира, и Алисента обернулись и увидели Эонара, стоящего перед ними в саду.

Когда Алисента увидела Эонара, это было похоже на привидение. Ее глаза расширились, а лицо слегка побледнело. Но когда Рейнира увидела его, ее лицо тут же просветлело, и она бросилась со своего места под самым большим деревом и заключила брата в объятия. Хотя, обнимая его, она прошептала ему на ухо. «Я подготовила ее как можно лучше, а тебе нужно сделать все остальное. Так что не облажайся», — сказала она, поцеловав его в щеку.

Эонар кивнул Рейнире и встал перед Алисентой. Прошло шесть месяцев, поэтому, без сомнения, у нее было много сдерживаемого стресса и беспокойства. «Мне жаль, что я ушел, ничего не сказав. Я не рассчитываю получить ваше прощение сразу, но я сделаю все возможное, чтобы вернуть ваше доверие». Ожидая ответной реакции, Эонар повернул голову в сторону, ожидая пощечины и резких слов.

Алисента подошла к нему. Непокойно, тревожно... облегчение, да, но видеть сейчас перед собой Эонара? Многие подавленные эмоции внезапно вырвались на поверхность. Он исчез после похорон королевы Эммы, и никто в королевстве не знал, куда он делся. Алисента почувствовала, как у нее дрожат руки, и закусилла нижнюю губу.

Но потом...

Легкий, но слышимый шлепок! Эонар был ненадолго удивлен, когда Алисента ударила его по другой щеке вместо той, которую он предложил, оставив после себя слабый отпечаток руки. Прежде чем он успел сказать или сделать что-нибудь еще, Эонар почувствовал множественные удары по своему туловищу. Он видел, как Алисента неоднократно шлепала его.

"Сволочь!" — крикнула Алисента, слезы текли по ее щекам, продолжая избивать Эонара. «Я очень волновалась за тебя, ты идиот! Я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, я ненавижу тебя, я ненавижу тебя!» она продолжала кричать на него. «Как ты мог просто так оставить меня?!

Почему?! Как ты мог это сделать?!»

Эонар быстро схватил Алисенту за запястье и притянул ее к себе. Он почувствовал ее борьбу в своих объятиях и оказал яростное сопротивление, но в конце концов начал медленно утихать и погружаться в его объятия.

«Ты, глупый, неряшливый пастух коз... Я думал, ты умер. Я почти... Но почему? Как ты мог заставить меня пройти через это? Почему ты не поговорил со мной? Почему... почему ты убежал, не сказав ни слова? " — потребовал Алисента.

«Мне жаль, что я ушел таким образом», — извинился Эонар и крепко обнял Алисенту. «Я не хотел причинить тебе боль или причинить столько эмоциональных страданий. Но я был не в себе какое-то время. Я знаю, что это не извиняет и не оправдывает мои действия, но мне очень жаль, Алисента. Честно. Со всеми фибрами моего существа, мне очень жаль».

Несколько мгновений Алисента ничего не говорила, все, что она делала, это оставалась неподвижной в объятиях Эонара, боясь, что, если она отпустит его, он снова исчезнет. Принц не жаловался, он осторожно стоял и пытался успокоить дочь дома Хайтауэров. Из-за угла, вне поля зрения, Рейнира наблюдала за своим братом и лучшим другом. Она не считала это шпионажем, а скорее заботой о том, чтобы все прошло правильно.

Наконец, когда все разочарования Алисенты угасло, она вытерла глаза и попыталась выглядеть как можно более достойно. — Итак, ты думаешь, что сможешь просто вернуться после полугодового исчезновения и я тут же прощу тебя?

«После того, что я сделал? Нет, я бы так не думал», — покачал головой Эонар. «Во всяком случае, действия говорят громче, чем слова. Мне придется доказать свою искренность».

"Ой?" - спросила Алисента с притворным равнодушием, - и как ты предлагаешь доказать эту искренность? Поднимись на самую высокую гору королевства и принеси мне зачарованную золотую чашу? Или, возможно, доплыви до дна Ока Бога и поднимись со дна с помощью священный меч какого-то давно умершего героя?»

"Зная тебя, нет. Это кажется тебе нехарактерным. Ты хочешь знать правду? Это неприятно, но если нужны такие маленькие шаги, чтобы вернуть твое доверие, то я буду откровенен. Ты называешь свои условия". и я их обеспечу».

«Мои условия? Очень хорошо. У меня есть только одно требование, если ты хочешь, чтобы я снова тебе поверил, возможно, это самое трудное, что может сделать Мастер Шепчущихся». - твердо сказала Алисента. «С этого момента я хочу от тебя только правду». Она скрестила руки на груди, чтобы подчеркнуть свою точку зрения. «Мне не нужна ничего, кроме полной честности и прозрачности. Никаких больше тайн. Никакой лжи. И если я уловлю хоть малейшее дуновение обмана от тебя, клянусь Старыми Богами и Новыми, между нами все кончено».

Она... она не шутит. Она смертельно серьезна. Эонар вздохнул. - Хорошо, - он медленно выдохнул. «После похорон я почувствовал, как что-то внутри разъедает мою психику. Ранее я уже упоминал историю безумия нашей семьи, безумия, которое преследует нас. Это похоже на зуд в глубине моего сознания. Но затем темные импульсы постепенно начинают разъедать тебя, пока ты не останешься лишь оболочкой своего прежнего «я». Это не то, что посторонний мог бы понять.

После смерти моей матери что-то во мне... просто сломалось. Если бы я остался и вспомнил

обо всем, зная, что это мой отец приказал разрезать мою мать только для того, чтобы его так называемые мечты обернулись против него... Я бы стал еще одним Мейгором Жестоким. принять трудное решение, но мне это было нужно». Он взглянул через плечо на тренировку убийцы в платиновом капюшоне на пляжах. «Однажды во время моих путешествий я встретил этих убийц, чья родословная восходит к Старой Валирии. Они называли себя Ликири Мере, что означает «Безмолвные». Их методы обычно предназначены только для их помощников, но то, что осталось от их исторических записи указывают на то, что они были свидетелями безумия Таргариенов и раньше, когда Валирия доминировала в известном мире. Но им некуда было идти. То, что от них осталось, было рассеяно по ветру. однажды встал... чтобы сдержать свои порывы, я бы не стал прежним, если бы остался иначе».

От начала до конца Эонар подробно рассказал о своем путешествии в Эссос с Ваэлором в качестве его единственного спутника, а также о необходимости держать в узде безумие Таргариенов, прежде чем оно выйдет из-под контроля, пока не станет слишком поздно. Он предупредил Алисента о его симптомах и характере любого члена его семьи, который в конечном итоге поддается ему.

Ликири Мере — древняя гильдия убийц Валирийского фрихолда, служившая лордам-фриголдерам, пока Рок не уничтожил некогда могущественную империю. Поскольку их осталось так мало, те, кто выжил, скрылись и разошлись, прежде чем их число начало сокращаться, и в конечном итоге их заменили Безликие Люди. Если раньше их гильдия насчитывала до 1000 человек, то сейчас их осталось всего пятнадцать. Начиная с раннего возраста, от самого низшего помощника до самого Великого Магистра, они всю свою жизнь учились убивать, наблюдать за своим окружением и планировать на будущее. Хотя обучение было строгим и зачастую даже смертельным, опытные убийцы привили своим ученикам большую сдержанность и дисциплину.

«Не существует лекарства от того, от чего моя семья находится в опасности, — продолжил Эонар, — но это можно вылечить другими способами». Он повернулся к Алисенте. «Даже пока мы разговариваем, мне требуется вся сила воли, чтобы держать под контролем свои импульсы и здравомыслие. Помните фразу, которую каждый Вестерози говорит о нас? «Безумие и величие — две стороны одной медали. Рождаются Таргариен, боги подбрасывают монету, И мир затаил дыхание, чтобы увидеть, как она приземлится. Моему прадеду, старому королю Джейхерису, посчастливилось избежать этого, как и моему отцу. Но будущее из нас неопределенно».

Алисента просто стояла молча, обрабатывая всю информацию, которую только что сообщил ей Эонар - от полета над самым богатым и величественным городом-государством Браавос, его краткого пребывания во дворце принца Реджио Харатиса в Пентосе, рыбалки в Лорате, медитации с воином. -жрецы Норвоса, обучение ковки новой стали в Кохоре, его встреча с тремя Триархами Волантиса, его случайные стычки и стычки с различными дотракийскими племенами, а также время, проведенное с тем, что осталось от Ликири Мере.

Из своего укрытия, где она слушала, Рейнире пришлось закусить губу, чтобы не закричать, когда она услышала, как ее брат обнажил свою душу.

Алисента глубоко вздохнула, сосредоточив свои мысли и собираясь с силами. «Ты... не лжешь мне, не так ли?» — спросила она вопросительно.

Эонар не прерывал зрительного контакта. «Я знаю, это звучит так, как будто все это было создано из воздуха, но клянусь, это правда». Он снова покачал головой. «Я мог бы быть многим, но я ни разу не солгал о том, что чувствую к тебе, Алисента. Клянусь в этом памятью

моей матери. Какой бы вред я ни причинил, это полностью на мне. Вот и все. Но Теперь я оставляю это – нас – полностью в ваших руках. Какое бы решение вы ни приняли, я буду уважать его».

Алисента сосредоточила свое внимание на Эонар. Она знала принца и королевскую семью всю свою жизнь, у нее были романтические отношения с Эонар с тринадцати лет, и что теперь? Это было очень важно. На протяжении всего их разговора она положила большие пальцы на запястья Эонара, чтобы определить, говорит он правду или нет. Если бы пульс был нерегулярный, то все было бы ложью. Но на удивление пульс был довольно ровным, и он вообще ни разу не отвел от нее взгляда. «Это займет время», призналась она. «Честно говоря, я не знаю, где мы окажемся, Эонар, но если то, что ты мне говоришь, действительно правда... тогда, полагаю, я дам нам еще один шанс». Затем она твердо заговорила. «Но учти: это будет в последний раз. Не скрывай от меня больше ничего».

Ладно ладно. Что это? Исцеление через чувство вины? Ну, я не ожидал такого многого, но полагаю, что-то лучше, чем ничего. Быть по сему. Тогда новое начало. «Я понимаю. Если прозрачность — это то, что нам нужно, чтобы остаться вместе, тогда я сверну горы, чтобы заставить нас работать», — Эонар согласилась на условия Алисенты.

Они медленно обняли друг друга в теплых объятиях, примиряясь и полные решимости восстановить свои отношения с нуля. Потребуется время, чтобы доверие и вера вернулись в прежнее состояние, но оба юноши, похоже, не хотели позволить тому, что они построили вместе, рухнуть, не давая друг другу шанса на борьбу. Они не могли позволить себе вцепиться друг другу в глотку. Эонар не заметил этого и был уверен, что Алисента чувствовала то же самое. Она все еще пахла так же, как он помнил – свежей, как сирень, сладкой, как мед. Но он не осознавал, что делает, поскольку Эонар услышал тихое ворчание.

— Нгх! Эонар... Эонар, — напряглась Алисента, — ты делаешь мне больно.

Эонар внезапно вернулся в реальность и понял, что его хватка на Алисенте стала слишком сильной, прежде чем немедленно отпустить ее, дав ей достаточно места для дыхания. — Ох! Ох, извините, — извинился он в легком смущении.

Алисента сделала небольшой шаг назад, чтобы поправить платье. Он всегда был таким сильным? Или... это как-то изменилось? Некоторое время в воздухе висела тишина, но на этот раз напряжение атмосферы ослабло и стало спокойнее. Это было немного, но к ней вернулся возлюбленный детства. «Просто... без тебя все было бы иначе», — призналась она. «Короля терзало чувство вины за то, что произошло. Вы знаете, он не хочет снова потерять свою семью».

«Я знаю. Он сказал мне это раньше, но я поверю этому только тогда, когда увижу». Затем Эонар повернул голову в угол. «И разве мама не говорила тебе, что подслушивать чужие разговоры невежливо, Рейнира?» - громко крикнул он.

Рейнира чуть не подпрыгнула. Эонар знал, что она была там все время! Алисента не смогла сдержаться хихиканья, когда Рейнира вышла на открытое пространство, стараясь выглядеть как можно более достойно. — Итак, ты меня услышал, да? она притворилась невиновной.

«Попробуй обмануть других, сестренка, но меня тебе не обмануть. Кроме того, кто здесь лучший шпион?»

«Фу, роль, которую ты мне практически навязал. Как ты вообще терпишь всех этих заносчивых придурков?»

«Рейнира!» - сказала Алисента в явном ужасе.

«У меня были свои пути, но это был старый я. Новый я не потерпит такой наглости лежа».

«Эонар!»

«Итак, — настаивала Рейнира, — я полагаю, это означает, что ты говорил с отцом. Ты все исправил?»

Эонар слегка нахмурился. «То, что мы снова разговариваем, не означает, что я простил или забыл. Во всяком случае, доверие придется восстанавливать с нуля», — обратился он к Алисенте. "От всех нас."

«Знаешь, после того, как ты ушел, она долго не переставала плакать», — затем Рейнира посерьезнела. «Ты причинил ей боль, Эонар. Ты сильно обидел Алисенту. Черт побери, в этот момент она практически член семьи».

«Я знаю, я знаю. Мы работаем над этим».

Затем Алисента встала на сторону Рейниры. «Тебе придется многое компенсировать мне», — напомнила она.

«Именно», согласилась Рейнира. «Итак, если вы не хотите потерять ее навсегда, вам лучше взять себя в руки и взять на себя тяжелую работу в ваших отношениях».

«Круг (Дерьмо), — Эонар покачал головой, — это твой способ отомстить мне?»

Рейнира не смогла сдержать смешка. «Маааааааа~», — поддразнила она.

«Ух... все еще такая заноза в заднице».

«Ты знаешь, что любишь это!»

Алисента и Рейнира рассмеялись, увидев раздраженное выражение лица Эонара. Обе девочки-подростки ушли, так как пришло время вернуться в Королевскую Гавань. Эонар некоторое время оставался позади, оплакивая положение, в которое он себя поставил. Что ж, это была карма, которая вернулась, чтобы дать ему под зад за то, что он исчез шесть месяцев назад. Это займет время, но его отношения с Алисентой были важны для него.

Прежде чем Эонар смог уйти, прибыл один из его агентов и вручил ему запечатанный свиток. Сломав сургучную печать, принц изучил сообщение, прежде чем кивнуть в знак подтверждения и предоставить ему дальнейшие инструкции. Шпион еще раз поклонился и ушел, оставив Эонара со своими мыслями на мгновение в одиночестве.

«Итак, он уже в пути. Как я и предвидел». Крагас Драхар... не думай, что твои действия остались незамеченными. У меня повсюду глаза и уши. Старайся изо всех сил, но ты не сможешь вечно избегать моего взгляда.

— Ступеньки—

Гелиотроп...

На пляже одного из островов на океаническом песке Ступеней лежали гнилые, разлагающиеся трупы. По деревянным столбам ползла орда плотоядных крабов, пришедших полакомиться плотью мертвых или умирающих. Один матрос дернулся и болезненно застонал в сильно ослабленном состоянии. Еще больше моряков, потерпевших кораблекрушение, были прибиты живыми, но неспособными спастись бегством или защититься от ада, в котором они оказались.

Медленно съедены заживо крабами или оставлены тонуть во время отлива.

Неподалеку можно увидеть большой отряд солдат Триархии, перевозящий груз, который они успешно украли с неудачливых кораблей, проплывавших через Ступени. Под руководством принца-адмирала Крагаса Драхаара, известного своим врагам как «Крабокормитель» за привычку скармливать выжившим врагам крабов, вынося их на берег во время отлива, Триархия была на грани полного завоевания. Stepstones положил конец растущей пиратской активности в этом районе и взимал высокие налоги со всех проходящих судов в обмен на эту защиту. По прошествии многих лет с момента заключения союза между Лисом, Миром и Тирошом налоги выросли больше, чем раньше были потери пиратов, и резко возросла напряженность между Триархией и Семью Королевствами Вестероса.

Но процесс был непростым. С каждым продвижением к Ступеням Триархия оказывалась в затруднении. Их движение замедлилось, и прибыло больше кораблей в большем количестве и с тяжелым вооружением. Никто из Триархии не планировал столь раннего возмездия.

«Это должно было быть проще», — сказал рейдер Линезе.

«Да. При нашем темпе мы уже должны были бы захватить Ступени», — согласился тирошский скандалист.

«Что-то не так», — понюхал соленый морской воздух мирийский лучник. «Кто-то знал, что мы приближаемся... и они знали, где и как нас ударить. Они добрались сюда слишком быстро».

«Эти корабли... пара торговых парусов, но один из них летел на морском коньке. Все они были хорошо вооружены. Четыре наших корабля были уничтожены, а пятьдесят наших собратьев из наших городов-государств потерялись в морях».

«Я предполагаю? Должно быть, ими руководит стратег... или совместные усилия нескольких сторон».

«Найк луа. (Я согласен)», — раздался голос с мирийским акцентом.

Личный состав Триархии быстро поднялся и отдал честь прибытию своего командира, самого Крагаса Драхаара. Родом из города-государства Мир, он повел войска на Кровавый камень. Мрачно выдохнув, Крагас надел на лицо сломанную гискарскую маску, чтобы скрыть болезнь серого цвета. Однако даже он разделял ту же теорию, что и его подчиненные. Ступени должны были быть полностью под контролем Триархии, но их продвижение тормозилось на каждом этапе пути, и вторжение замедляется.

«Скорос енка гаоми, дариларос-джентыс? (Что нам делать, принц-адмирал?)» — спросил один из мужчин.

Крагас глубоко и тихо выдохнул, глядя своими тоскливыми глазами на Кровавый камень. Рядом находились пещеры, в которых можно было укрыться. Без сомнения, пещеры принесут им пользу, если дело дойдет до открытой войны. «Jurnegon se qrimbughetan lōgor. (Обыщите обломки)», — гортанно скомандовал он. «Se emagon ilva gierion mazverdagon gaomagon hen lī

noþalbar. Konīr kessa sagon toli loktys māzis, yn emilzi daor iderennon yn naejot vīlibagon va ilva ninkion. (И пусть наши люди воспользуются этими пещерами. Моряков будет больше, но они будут у нас нет другого выбора, кроме как сражаться на нашем поле.)"

«Ры истин, дариларос-жентыс. (Сразу, принц-адмирал.)»

Все больше сил Триархии начали рассредоточиваться по Бладстоуну, отдавая приказы на высоком валирийском языке – языке, который понимают вольные города – и ища любые ценности, которые они могли найти, прежде чем расставить лучников на вершинах скал и создать базу для операций в близлежащих пещерах.

Крабкормитель, напротив, подошел к умирающему разведчику и преклонил колени. «Вы, Вестерози, — говорил он на общем языке, — как ваши флоты узнали о нашем прибытии?» он допрашивал.

Мужчина ничего не сказал, но слабо и презрительно посмотрел на Крагаса.

"Говорить."

Однако мужчина ничего не сказал.

Почувствовав, что это ни к чему не приведет, Крагас схватил мужчину за подбородок и заставил его открыть рот. Там он понял, почему его пленник не говорил ни слова. «Ах, немой. Очень, очень умный», — сказал он. «Твоему хозяину отрезали тебе языки, чтобы ты не раскрывал твои секреты». Затем Крагас полез в карман своего пленника и достал мокрую ткань, изображающую трех рыжеголовых драконов на черном поле. «Таргариен», — его голос был глубоким. «Ваш король, кажется, не показался нам человеком, который доставит нам столько хлопот. Нет, это, должно быть, его сын... я прав?» Затем Крабфидер поднялся. «Неважно. Ступеньки настоящим аннексированы Триархией и с этого дня и до конца времен являются частью наших владений. Любым кораблям, проходящим по этим путям и отказывающимся платить пошлину, придется пострадать от последствий».

Схватив молоток, Крагас начал прибавать очередную жертву к деревянной доске, в то время как все больше крабов начали прибывать, чтобы питаться еще одним несчастным, беспомощным пленником. Вбив засов поглубже в руки, Крабкорм теперь понял, кто был его неназванным соперником. Достоин уважения был противник, много знавший о нем, передвижениях его войск и союзнике его, командующем противоборствующими судами, сотрудничавшими с ним.

<http://tl.rulate.ru/book/107341/3899239>